

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н.Б. Афанасов

Республика былого и грядущего?

Рецензия на: Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

Афанасов Николай Борисович – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: n.afanasov@gmail.com

Рецензия предлагает опыт тематического прочтения коллективной монографии, посвящённой интеллектуальной истории русского республиканизма. Автор подчёркивает, что книга, состоящая из десяти отдельных и содержательно самостоятельных глав, может иметь целостное прочтение в рамках проблематики современной политической философии. Основанием для этого подхода становится эксплицированный интерес авторов сборника к актуальной республиканской теории, которая начала своё распространение на рубеже XX и XXI вв. благодаря аргументам ирландского мыслителя Ф. Петтита. Показано, что нормативной моделью выстраивания исследования развития идеи русского республиканизма выступает опыт представителей Кембриджской школы истории мысли. Для российского интеллектуального пространства работа с республиканизмом на материале исследования традиции общественно-политической мысли становится тем опорным пунктом, который позволяет провести синхронизацию методов и сюжетов актуальной философии с глобальным контекстом. Общим для коллективного труда становится подчёркивание противоречивости феномена «республики» в отечественном политическом языке: несмотря на то, что это была значимая идея, важной идеей, заимствованной из другой политической традиции, не всегда удавалось определить, что это и почему это важно. Важным вкладом работы в разработку политической философии становится уточнение многих исторических аспектов, что сужает пространство для мифологизации истории русской политической мысли.

Ключевые слова: республиканизм, политическая философия, социальная философия, русская философия, практическая философия, история идей, Ф. Петтит

Для цитирования: Афанасов Н.Б. Республика былого и грядущего? Рецензия на: Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с. // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 93–108.

Во «Введении» к коллективной монографии «Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века»¹ редактор книги, историк Кирилл Андреевич Соловьёв пишет, что «республика была вызовом для русского интеллектуала»². С этим сложно спорить, но добавим: республика как идея была и остаётся вызовом не только для *русского* интеллектуала, но и вообще для каждого, кто находит время задуматься над тем, справедливо ли политическое устройство общества, в котором ему довелось жить. Дискурс республиканской теории в том виде, в котором он преимущественно представлен в книге и сопутствующих публикациях последних лет, сравнительно нов. Слово «республика» имеет магическую силу, и практически любой посвящённый республиканизму текст производит впечатление того, что речь идёт о чём-то давнем и имеющем солидную историю, уходящую в глубь веков. Это верно лишь отчасти: чаще всего республиканизм претендует на актуальность, значимость и современность посредством творческой апелляции к традиции.

«Русский республиканизм» продолжает исследования интеллектуальной истории мысли, основы которой были заложены представителями Кембриджской школы интеллектуальной истории. Именно поэтому ранее мы упомянули, что «республиканизм» – это сравнительно новое в политической философии. В работах Квентина Скиннера, Джона Поккока, Джона Данна или Питера Ласлетта во второй половине XX в. была проведена обстоятельная работа по реконструкции интеллектуальных основ политической мысли. Им и их последователям удалось решить трудную задачу: вдохнуть жизнь в политическую теорию, которая разочаровалась в революциях, тоталитарных режимах и экспансии потребительского капитализма. Как и сегодня, в те годы надежда на активное и разумное включение «масс» в ряды добропорядочных рациональных избирателей была призрачной, а политической философии оставалось довольствоваться критикой существующих порядков или грезить о новых утопиях, которые придумают когда-нибудь потом³.

Иначе говоря, работы по истории республиканизма всегда были *не только* историческими трудами. Это феномен особого рода философского осмысления, который представляет известные традиции в новых ракурсах, что позволяет и точнее понять механизмы их функционирования, и конституирует нечто новое. Этим новым становится республиканизм как «самая актуальная»⁴ политическая философия, которая вносит поправки в дрящущийся более столетия спор коммунитаристов и либералов. Если республиканизму и не удалось на данный момент завоевать большое количество сторонников в среде тех, кто имеет непосредственное отношение к процессу принятия решений, то своё место в умах передовых интеллектуалов он занял весьма прочно. Границы понятия, по всей видимости, не уступают в размытости привычным для политической теории «социализму», «консерватизму» и «либерализму». К. Соловьёв пишет, что «...между этими тремя соснами блуждали и продолжают блуждать общественные науки. При этом не всегда ясно, что имеется в виду под каждым из этих течений»⁵.

¹ Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М., 2021.

² Соловьёв К.А. Введение // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 15.

³ Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред. и предисл. А. Павлова. М., 2021. С. 165.

⁴ Павлов А.В. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия // Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М., 2016. С. 7.

⁵ Соловьёв К.А. Введение // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 13.

Таким образом, говоря о республиканизме, мы всегда имеем дело по меньшей мере с несколькими феноменами, связь между которыми определяется в зависимости от тех задач, которые мы перед собой ставим. Прежде всего, республиканизм – это исторический феномен политической традиции, который привычно определяется через оппозицию «республика – монархия». Затем, это комплекс идей в работах политических теоретиков и философов, которые не всегда мыслили себя республиканцами, но идеи которых имеют значение для конституирования республиканской традиции постфактум. Впервые это было осуществлено упомянутыми представителями Кембриджской школы истории идей. И, наконец, республиканизм – это актуальная политическая философия, прежде всего связанная с именем ирландского философа Филипа Петтита.

Как правило, разговор о республиканизме начинают с экскурса в древность. Риторическая сила этой стратегии в публичном поле, где республиканцам предстоит отстаивать свои позиции, очевидна. Самое современное, чтобы получить какой-то вес, предпочитает облекаться в одежды древности. В конце концов, чтобы идти «в ногу со временем», по меткому выражению Германа Люббе, нужно опираться на классические, а оттого не устаревающие образцы: «...классическое не есть просто старое, противостоящее актуально современному в соответствии с определёнными содержательными критериями. Напротив, это такое старое, которое отличается от эфемерно нового и новейшего фактически доказанной большей сопротивляемостью устареванию»⁶. Жизнеспособность «республики» как идеи и понятия в этом смысле не подлежит сомнению.

«Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века» существует в этом интеллектуальном контексте, и без понимания этого контекста книгу, в силу её внушительного объёма (более 50 печатных листов!), будет просто-напросто сложно прочитать. Точнее, так: специалисты, знакомые с проблематикой российской истории, не столкнутся с трудностями, как и все те, кто просто хотел бы расширить свой кругозор и углубить понимание процессов, которые происходили в интеллектуальной истории страны на протяжении более чем пяти столетий. Но даже самый дотошный и придирчивый к деталям философ может сдать перед экскурсами в историческую семантику латинского языка, за которыми последует анализ способов переводов понятий во время соперничества Российского государства и Речи Посполитой, а после – и вовсе анализ редакций и рабочих вариантов советских конституционных проектов. Несмотря на то, что коллектив авторов блестяще выполнил без преувеличения титаническую работу, а сама идея собрать все эти посвящённые разным темам главы под одной обложкой будоражит, может так случиться, что всё это не будет иметь никакого смысла для отечественной философии.

Поэтому скажем ещё пару слов о том, что собой представляет «республиканизм» в качестве актуальной традиции политической философии. «Мы – Россия – в принципе отстаём на двадцать лет от ключевых дискуссий западной политической философии»⁷, эти строчки были написаны в 2016 г., когда на русском языке в Издательстве Института Гайдара вышел перевод основополагающей работы Петтита «Республиканизм. Теория свободы и государственного правления»⁸. Оригинал на английском языке был опубликован в 1997 г.⁹ То есть цифра «20 лет» – это не только метафора. В этой работе ирландский философ предложил собственную

⁶ Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под науч. ред. В. Куренного. М., 2019. С. 113.

⁷ Павлов А.В. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия. М., 2016. С. 8–9.

⁸ См.: *Pemmut Ph.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления.

⁹ См.: *Pettit Ph.* Republicanism: A Theory of Freedom and Government. New York, 1997.

нормативную идею¹⁰, которая со временем могла бы изменить ландшафт современной политической мысли. Эта претензия Петтита говорит не столько об амбициях, сколько констатирует, что поле политической мысли, которое входит в актуальный дискурс процесса обсуждения и принятия решений, уже давно размечено и занято упомянутыми выше либералами, социалистами и консерваторами. К ним на Западе уже в конце XX в. активно добавились экологические, антиколониальные и феминистские движения.

Петтит предлагает по-другому расставить акценты: «не-доминирование», полностью не исключая «вмешательства», должно стать руководящим принципом. Концепция вступает в полемику с идеалами классического либерализма, для которого «не-вмешательство» также было ценностью, ограничивающей вполне допустимое «доминирование». «Проблему можно сформулировать как недовольство доминированием, а идеал – как мечту о свободной жизни», – пишет Петтит¹¹. «Не-вмешательство» и «не-доминирование» – это разные идеалы, которые задают горизонт желаемого при обсуждении идеального политического режима. Для самого Петтита политическая философия не должна быть оплотом утопического мышления, в котором даже мысленный эксперимент сталкивается с неосуществимостью желаемого. Напротив, предлагаемые философом аргументы должны стать основой для разработки конкретных мер по трансформации или улучшению политического режима.

Предельное «не-вмешательство» в этом смысле на уровне реализуемости проигрывает стремящемуся к абсолюту «не-доминированию». Речь идёт о том, что даже несмотря на то, что современные сложноорганизованные общества ценят неприкосновенность личного пространства, более общие задачи, к примеру, вопросы организации или улучшения инфраструктуры, неизбежно требуют вмешательства в жизнь человека. Реалистично представить противоположное кажется невозможным, но это «вмешательство» должно быть очищено от «доминирования», в смысл которого входит неравноправность агентов и возможность обладающего большей властью творить произвол по отношению к тому, кто власти фактически лишён. Практический выход из опасностей произвольного доминирования и вмешательства в жизнь свободных людей Петтит видит в улучшении законодательства, развитии политической культуры гражданского общества и способствовании формированию культурных и общественных институтов, которые могли бы помочь республиканизму сохранять стабильность и устойчивость: «Предположим, что законов и обычаев внутри общества и за его пределами достаточно для ограничения тех лиц в обществе и за его пределами, кто мог бы вершить произвол над другими, и предположим, что сами эти законы и обычаи не вершат произвола. В таком случае можно сказать, что те, кто живёт при таком режиме, свободны»¹².

Одной из задач обращения к идее республиканской теории Филипа Петтита было не только показать, что из себя представляет сверхзадача республиканизма, но и обратить внимание на тот язык, которым пользуется философ. Его можно охарактеризовать как язык современной политической философии, тяготеющей к аналитическому способу мышления. Во главу угла ставится чёткое разграничение понятий и убедительная сила аргументации. Петтит пишет в эпоху, когда конституционализм и демократические идеалы де-факто стали единственной конвенциональной нормой в публичном пространстве. Тем удивительнее, что, в сущности, аналитические аргументы философа снабжены обширными ссылками на традицию политической философии: «Петтит, как он постоянно подчёркивает, не придумывает собственную теорию, но лишь обращается к забытой практике древней республиканской свободы,

¹⁰ Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. С. 31.

¹¹ Там же. С. 36.

¹² Там же. С. 84.

какой она была известна ещё в Древнем Риме»¹³. «Республиканизм» апеллирует не только к практикам свободы в Античном мире, но и использует авторитет таких мыслителей, как Никколо Макиавелли, Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо, Бенджамен Констан и т.д. В его актуальном нарративе они превращаются в тех, кто всегда мыслил свободу «по-республикански», пусть в предложенном Петтитом виде она и не была основой их политической философии. Говоря проще, Петтит *переизобретает* традицию.

Перед Томасом Гоббсом или Мэри Уолстонкрафт исторический контекст ставил и другие задачи, но в методологическом отношении важно, что повествование Петтита вместе с оформлением республиканизма как авторской теории производит его легитимацию и реконституирует всю традицию политической мысли. О том, насколько эти претензии корректны для изображения истории мысли, следует сказать отдельно и в другом месте, но пока будем держать в голове, что оптика республиканской теории – это нечто особенное, что структурирует мировой и национальный опыты истории и политической традиции. Исходя из этого вернёмся к русскому республиканизму, но уже держа в голове, что если и не непосредственно, то в контексте идейного содержания, дискуссия, начатая Кембриджской школой истории мысли и продолженная Филипом Петтитом в рамках разработки его авторской концепции, задаёт концептуальные рамки разговора об идее. Всё это влияет на то, как и о чём будет рассказано в истории русского республиканизма.

Коллективная монография «Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века» работает в обозначенной выше логике, наследуя этой новой интеллектуальной традиции. В современной русскоязычной академии движение в сторону рефлексии над политическим в терминах республиканизма во многом предшествовало разработке исторических сюжетов, из которых республиканизм вытекал в западной политической и исторической теории. Сам интерес к республиканизму был вызван вниманием, которое получила эта концептуальная рамка в зарубежной академии. И если на Западе принадлежность к классической философской традиции не ставится под вопрос – отнесём некоторые радикальные попытки переосмысления всего поля мысли к интересным, но далёким от того, чтобы занимать лидирующие позиции, – то сама идея о том, что русская традиция принадлежит к интеллектуальной части иудео-христианской культуры, формировавшейся с Античности, а позднее развитой в Новое время, всякий раз требует комментария и обоснования.

Это отчасти вызвано тем, что вопрос до сих пор не утратил полемической остроты. В том случае, если это и нерелевантно для конкретного исследователя, который желал бы заниматься академической философией, очищенной от идеологических вопросов, то считаться со всем исследовательским полем всё равно приходится. Исследование русского республиканизма в оптике теории идей предполагает значимый очерк, позволяющий не утратить ориентацию в более сложном контексте. Западный республиканизм тоже существует не в изолированном пространстве. В своих наиболее актуальных формах проектов политических преобразований он должен отстаивать себя в борьбе с конкурирующими программами, согласовывать свои положения с доминирующими дискурсами, которые нельзя обойти стороной (к примеру, с энвайронментализмом, феминизмом, социализмом и мультикультурализмом)¹⁴. Исторические исследования и экспликация республиканской идеи уже прошли через эту стадию бурных дебатов, но в своё время они были не менее

¹³ Павлов А.В. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия. С. 14.

¹⁴ Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. С. 236.

ожесточёнными, чем это происходило при многих попытках создания – для республиканцев «восстановления» – республиканской политической оптики.

Представленная коллективная монография декларативно посвящена задаче, которую кембриджская школа интеллектуальной истории сумела решить более полувека назад. Обрисованный нами контекст накладывает отпечаток на многие из статей. Редактор тома во «Введении» пишет так, словно бы отвечает на замечание оппонентов о том, что в интеллектуальной истории России обращаться к «республике» как значимому и важному предмету исследования всерьёз не следует. Явление – если оно вообще было – было вовсе незначительным: «...эта книга о слове “республика” и его бытовании в общественной мысли России и Западной Европы. В России было и слово, и идея, и традиции. Политическая жизнь страны была сложнее и многомернее, чем это порой кажется (курсив мой. – Н.А.)»¹⁵. Подобный модус на актуализацию можно обнаружить ещё у нескольких авторов. Так же как и констатацию того, что материала для реконституирования русской республиканской идеи не всегда достаточно. Иначе говоря, русский республиканизм ещё не смог легитимировать себя как актуальную политическую философию в национальной традиции. На данный момент он находится в поисках своих внутренних исторических оснований, которые смогли бы убедить других в важности и оправданности проекта. Вне зависимости от того, будет ли решена эта задача, попытка имеет несомненную интеллектуальную ценность.

Книга логично структурирована и продуманна. В десяти главах, охватывающих временной промежуток истории от Древней Руси до настоящего Российской Федерации, ведущими отечественными историками и интеллектуалами представлены очерки развития республиканской идеи. Большая заслуга авторов в том, что они сумели собрать замечательный коллектив ведущих специалистов в своих областях: ещё одно свидетельство общей актуальности темы и интереса к ней. В противном случае книга получилась бы не такой плотной по содержанию. Каждая глава одинаково важна для преследуемой книгой цели, но в силу объективных причин подробно останавливаться на содержании мы не имеем возможности. К счастью, в этом нет и острой необходимости. Оглавление книги предполагает указание подразделов статей, поэтому читатель легко сможет перейти именно к тому аспекту феномена, который интересен именно ему. Мы же предлагаем остановиться на некоторых из тех моментов, которые позволяют говорить о «русском республиканизме» в выбранном нами практическом контексте политической философии и истории идей.

Композиционно первая глава посвящена генезису понятия *res publica*. Её авторство принадлежит историку, правоведа и философу Александру Марееву. Сама глава «Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в.» является преимущественно теоретическим изложением по вопросу, но этот открывающий текст принадлежит перу не только историка. То же самое касается и многих других глав работы. Вернёмся к экскурсу Мареева. Этот исследовательский текст мог бы существовать самостоятельно и вне рамок предложенной книги, однако его включение меняет не столько саму историю понятия, переводческой традиции и рецепции в политической философии от Цицерона, Августина и до Томаса Гоббса, но определяет то, что контекст понятия, часто определяемого через оппозицию «монархия – республика», куда сложнее и многоплановее. Автор очерка справедливо отмечает, что понятие *res publica*, которое в Средние века стали писать слитно, в отличие от привычного нам сегодня варианта¹⁶, претерпело множество

¹⁵ Соловьёв К.А. Введение // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 17.

¹⁶ Марей А.В. Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 43.

трансформаций в ходе своей истории. Это, с одной стороны, позволяет с большим снисхождением относиться к зыбкой определённости терминов у отечественных теоретиков – в этом вопросе они ничем не отличались от своих зарубежных коллег. С другой стороны, накладывает обязательства на уточнение терминов всякий раз, когда мы пытаемся актуализировать термин и традицию. В контексте приведённых выше размышлений вопрос стоит так, что *не* актуализировать республиканизм невозможно.

Дальнейшее чтение книги, а именно тех глав, которые непосредственно работают с российской интеллектуальной историей, покажет, что теории политических философов, которые заложили основы понимания концепта в Новое время, были малозначимы для российских интеллектуалов. Прежде всего они осмыслили действительность, исходя из практики контакта с политическими режимами, отличными от родного для их страны. То есть, сложная история понятия *res publica* фактически оставалась за рамками мышления российской интеллектуальной традиции. Легко возразить, что в таком виде она не была известна и на Западе вплоть до момента, когда историческая рефлексия созрела для (само-)описания республиканизма в трудах кембриджской школы, но и это будет не совсем верно.

Как показывает Марей, история республиканизма пришла к определённому набору логических понятий в Новое время в работах Ж. Бодена, Т. Гоббса и других мыслителей, отстранившись от своих первоначальных истоков. Тем самым у философов в Европе был в распоряжении вполне конкретный набор интуиций и сложившихся представлений, которыми можно было оперировать для понимания и изменения существующего политического *status quo*. Важнейшим было дистанцирование: «...*respublica* начинает описываться как политическая форма, существующая автономно от народа. <...> В подобной трактовке народа и *respublica* нельзя не увидеть предчувствия, интуиции, пока ещё неясной, современного государства и сопутствующей ему абсолютной монархии»¹⁷. Теоретическое введение в историю понятия *respublica* в традиции европейской политической философии решает несколько задач. Прежде всего, оно задаёт точки отсчёта для соотнесения с тем, с чем читателю предлагают ознакомиться исторические экскурсы. Но также оно задаёт и дистанцию в отношении излишней актуализации исторического дискурса. Обращение к сложностям существования современного государства, рефлексия над которыми в трудах классиков сохраняет своё значение, важна и для нас.

Глава II «Республиканская риторика в Древней Руси» логично следует за теоретическим введением, одновременно сохраняя историческую последовательность нарратива и сразу же проблематизируя историю в контексте феномена республиканизма. У исторической дистанции есть важное преимущество для философии. События давно ушедших дней легко мифологизировать, тем самым создавая пространство для легитимации своих взглядов. Часто это и происходит с «вече», существованием которого в Древней Руси обосновываются самые разные взгляды на развитие российской истории. Автор этой части, историк Павел Лукин, сразу сообщает читателю: «...ставить в центр проблемы древнерусского республиканизма вече... – непродуктивно»¹⁸. Лукин с опорой на исследования по истории Пскова и Новгорода убедительно показывает, что «вече» как понятие было терминологически не определено, а практика самоописания политического действия в то время может быть названа республиканской лишь условно. «Подлинной основой древнерусского республиканского строя было существование “политического народа”

¹⁷ Марей А.В. Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 56.

¹⁸ Лукин В.П. Республиканская риторика в Древней Руси // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 76.

и использование соответствующих понятий и риторики»¹⁹. Автор подчёркивает, что есть все основания говорить об элементах республиканской риторики в Новгороде и Пскове, но динамический процесс истории сместил акценты к идее «принадлежности к единому русскому пространству»²⁰.

В третьей главе «Республика без республиканизма: дискурсы *общего дела* в Московской Руси» историк Константин Иерусалимский продолжает методический ракурс рассмотрения российской истории с целью эксплицировать в ней республиканский политический язык. Важной находкой главы становится анализ «негативной готовности к республиканским формам»²¹ со стороны образованных людей того времени. Речь идёт о том, что сам феномен был хорошо известен связанным с политикой людям. Это знание при отсутствии желания воплотить (или даже просто описать) его на практике применительно к своему государству, может служить хорошей иллюстрацией бытования идеи республиканизма на русской земле. Иерусалимский пишет о том, что «...русская культура была лишена доступа (*в каковом и не нуждалась, по мнению автора*) (курсив мой. – Н.А.) к... творениям Аристотеля, Цицерона, Августина Блаженного, Фомы Аквинского»²². Ранее первая глава позволила нам убедиться в том, что эти тексты имели решающее значение для формирования республиканского языка. Глава ярко и убедительно показывает, что дискурсы общего дела существовали, проникая из-за границы, но не оказывали значимого влияния на формирование идентичности в государстве. Так, отсутствие развития при наличии знания о языке и феномене становится аргументом в пользу меньшей значимости республиканских идей для русского государства.

Историк Наталья Ростиславлева в главе «Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью» проблематизирует идею республиканской традиции в западной философии. Несмотря на то, что республиканские идеи давно занимали значимое место в интеллектуальном ландшафте, оформиться в более-менее стройный набор взглядов они смогли только в эпоху Просвещения. Глава примечательна тем, что показывают динамику представлений о республике в работах наиболее заметных философов: Ж.-Ж. Руссо, де Мабли, И. Канта, Б. Константа, Дж.С. Милля и др. Их идеи помещены в национальный контекст, но также даётся и экскурс в некоторые положения систем их политических воззрений. Таким образом, достигается цель стереоскопического видения республиканизма. Феномен часто оказывается подчинён другим нарративам (к примеру, борьбе с традицией, построению национального государства), а своё значение приобретает после, в трудах интерпретаторов. Из идеи республика перекечевала в историческую действительность, «...утратила антимонархическую направленность, стала понятием и начала обретать эмоциональный смысл»²³.

Историки Константин Бугров и Михаил Киселёв в пятой главе дают очерк «Республиканской идеи в России в век Просвещения». Акцент в этой части книги сделан на концептуальном анализе переводческой традиции. Российское общество имело дело с *res publica* преимущественно в опыте общения с другими культурами и политическими режимами, соответственно, проблема перевода всегда стояла очень остро. Привычное настойчиво задавало свою перспективу: «...внешнеполити-

¹⁹ Лукин В.П. Республиканская риторика в Древней Руси // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 139.

²⁰ Там же. С. 152.

²¹ Иерусалимский К.Ю. Республика без республиканизма: дискурсы *общего дела* в Московской Руси // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 155.

²² Там же. С. 162.

²³ Ростиславлева Н.В. Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. С. 310.

ческие реалии вносили свои коррективы, когда приходилось сталкиваться со странами, управляемыми коллективными органами (*статами, речью посполитой*), а не одним *государем*. Однако они оценивались скорее как аномалии и исключения на фоне нормы *государства*»²⁴. Авторы в самом деле предлагают фантастическое по своей глубине путешествие в экскурс понятия. Глава позволяет реконструировать исторический опыт взаимодействия со сложным концептом. Формулируя предельно кратко, скажем, что именно так утвердилась традиция противопоставления монархии и республики как форм правления. Для России предполагалось, что первая будет более эффективной с учётом специфики страны. Взаимопроникновение интеллектуальных культур, важная составляющая жизни страны начиная с XVIII в., завершилось тем, что формирующийся автономный и независимый интеллектуальный слой в России получил представление о республиканизме. Именно оно послужило тем, что в поисках истоков традиции на своей земле интеллектуалы стали мыслить Великий Новгород в качестве исторического носителя республиканской идеи: «Для обрисовки республиканских черт Новгорода российские авторы использовали европейские, античные лекала»²⁵. Общественная мысль России в век Просвещения смогла рефлексивно осмыслить западную республиканскую идею, перенести её на родную землю. Тем самым была сформирована парадигма мышления, во многом задающая рамки и современных дискуссий.

Специалист по интеллектуальной истории идей Михаил Велижев продолжает развивать тему, перенося читателя в XIX в. Глава VI «Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в.», проблематизирует русскую политико-философскую культуру в контексте республиканизма. Велижев предлагает «...рассматривать республиканскую теорию не только и не столько как совокупность идей или понятий, но как особый язык говорения о политике»²⁶. Так становится возможным решить ряд проблем, которые неизбежно возникают при попытке эссенциалистского прочтения республиканизма. Глава также помещает республиканский язык в контекст общего движения политической мысли в XIX в.: республиканцам приходилось проводить границы между своими воззрениями и мыслью либералов, социалистов, националистов и др. Российскую культуру автор анализирует, вычлняя три категории: «те, кто рассматривает республиканскую теорию через призму политических языков (I), те, кто интерпретирует республиканизм прежде всего в контексте истории идей (II), и наконец те, кто считает, что республиканизм – это не только доктрина, но и определённый образ публичного поведения (III)»²⁷. Общность доступа к интеллектуальной продукции определяла общность тематики дискуссий во Франции, Германии и России²⁸, но у республиканизма в российском пространстве была важная специфика: он присутствовал в дискурсивном поле, но фактически не мог сформироваться в отдельную «автономную и влиятельную доктрину»²⁹. В качестве промежуточного итога автор показывает, что понимание плюрастичности языка определяет рамку восприятия исторических текстов.

В седьмой главе «Империя и нация» историк Алексей Миллер фокусируется на том, что республиканизму как заимствованному понятию приходилось соседствовать с ещё одним важнейшим политическим концептом – с «нацией». Говоря о первом, велик соблазн преувеличить его значимость, коль скоро рассматриваем

²⁴ Бугров К.Д., Киселёв М.А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 323.

²⁵ Там же. С. 392.

²⁶ Велижев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 404.

²⁷ Там же. С. 428.

²⁸ Там же. С. 479.

²⁹ Там же. С. 504.

мы именно его, «республиканизм». «Нация» тоже была переведена и импортирована, что порождало и путаницу, и необходимость точного определения и разграничения, в частности, с «народностью»³⁰. По всей видимости, предложенная Миллером история понятия не имела цели вступить в полемику с попыткой дать положительное наполнение феномену русского республиканизма, но роль главы не ограничивается историческим значением. Обладающая даже большей самостоятельностью, чем другие части работы, в структуре книги она читается как критический текст, показывающий, что «республиканизм» уступал в работах ведущих российских интеллектуалов другим темам. Традиция XIX в., сформировавшая парадигму работы с сюжетами российской истории, похоже, больше была озабочена исторической миссией страны, вопросами «нации», «народности», а республиканизм оставался для неё лишь одним из многих языков описания.

Авторство главы VIII «Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.)» принадлежит редактору всей книги, Соловьёву, который продолжает развивать и иллюстрировать те интуиции, о которых шла речь в начале нашего рассмотрения. Учёный проблематизирует соотношение политической и социальной практики с нормативными моделями их описания в существующей традиции политической философии. Интеллектуальное усилие, посредством воображения, развивающего эту интуицию, позволяет ему сделать заключение о конкретно-историческом модусе властвования в России начала XX в.: «Стабильность порядка строилась... вокруг ряда негласных конвенций, важнейшая из которых – всеобщее безразличие к идее верховной власти»³¹. Соловьёв предлагает убедительный анализ важных для русской культуры текстов писателей и философов того времени (от А.С. Хомякова и Д.Н. Шипова до Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьёва). На этом материале показано, что строгого и одновременно влиятельного конструирования границ понятия *respublica* применительно к отечественному контексту так и не сложилось: «...в России взращивались самобытные политические теории, подразумевавшие новое осмысление государства и власти»³². Обилие ярких и бесспорно талантливых интерпретаций политического развития страны ведущих интеллектуалов не смогло превратиться в общее дискурсивное поле, что привело к тому, что «...к моменту её декларации не было ясно, что подразумевается под республикой, на чём будет строиться власть в новых условиях»³³.

К IX главе «Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г.» хронологическое повествование книги вплотную приближается не просто к проблеме существования самой идеи, но к вопросу её практической реализации. Историк Сергей Новосельский пишет о важности концепта для осмысления и практики революционных кризисов начала XX в. Особую ценность для уточнения интеллектуальной истории отечества имеют обильные экскурсы в сравнительное (само-)описание участников событий, связанных с процессом коллективного обсуждения и принятия политических решений. Так, известно, что «первый Земский собор был собран в 1549 г. по инициативе Ивана IV. <...> Но и участвовавшие в “соборе примирения” бояре, окольные и воеводы не догадывались, что они были делегатами Земского собора»³⁴. Ситуация политического кризиса в Российской

³⁰ Миллер А.И. Империя и нация // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 526–527.

³¹ Соловьёв К.А. Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 558.

³² Там же. С. 603.

³³ Там же. С. 614.

³⁴ Новосельский С.С. Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 617.

империи протекала в условиях объективно более развитой и насыщенной интеллектуальной культуры, но глава не входит в противоречие с ранее изложенными тезисами коллег о том, что политические понятия того времени не были до конца определены, а традиция была далека от утверждения себя в этих концептуальных границах. Любопытно, что автор использует концепт «не-доминирования» применительно к анализу интеллектуальных настроений 1905 г.: «И всё же стремление к реализации идеи *не-доминирования*, которая являлась центральной для политически активной части российского общества в 1905 г., воплощалось в подавляющем большинстве документов»³⁵.

Это ретроспективное наложение идей выглядит уместно, что показывает творческий потенциал переосмысления общественно-политической дискуссии начала XX в. в современных республиканских границах, но с точки зрения строгой истории идей фиксирует отсутствие релевантного языка описания у самих мыслителей. Можно сказать, что для нас как наследников русских интеллектуалов начала XX в. республика гораздо важнее, чем для них самих, как в интеллектуальном, так и в практическом отношении. Тем более, вне зависимости от форм выражения, ситуация острейшего политического кризиса вела к тому, что «ни власть, ни земские деятели, ни далёкая от революционного движения часть интеллигенции не желали установления в России республики»³⁶. Содержательной частью мысли был выход из кризисной ситуации любыми доступными средствами.

Три четверти объёма книги, краткий обзор которого мы представили в предшествующем изложении, скорее проблематизировал идею о том, что говорить о республике или непосредственной рецепции самого понятия в контексте российской интеллектуальной истории – перспективное занятие. Но реальность оказалась гораздо интереснее гипотетических экстраполяций. Заключительная глава книги, написанная философом Андреем Медушевским, посвящена рассмотрению того, что такое «Советский и постсоветский республиканизм». Ключевая интуиция анализа строится вокруг того, что проект советского республиканизма в значительной степени представлял собой «оригинальную историческую модель республиканизма»³⁷. Автор осуществляет сопоставительный анализ отражённых в документах интеллектуальных основ всех трёх отечественных республик (пореволюционная республика 1917 г., Республика Советов 1917–1991 гг. и третья республика (1990 – по н.в.)). Несмотря на значимые отличия исторических условий возникновения всех этих образований, на уровне идей для них многое является общим. К ним относятся проблемы ограничения власти, верховенства права, социального устройства страны.

Поскольку изложение Медушевского оказывается наиболее приближенным к современности, перед читателем может встать проблема ориентации в повествовании. Как и в случае с интеллектуальной историей понятий, на мой взгляд, уместным будет проводить разграничение между непосредственной историей политических идей в том виде, как они оказывали или не оказывали влияния на фактически существующую страну, и материалом для творческой актуализации этих идей в современном контексте. Медушевский проделывает замечательную работу по реконструкции интеллектуальной дискуссии вокруг всех исторических форм существования республики в русском пространстве. Автор выделяет самые разные тенденции в этих проектах, даёт критический анализ степени их исторической реализации. Всё это сделано не только на материале публицистических и научных текстов, но и с опорой

³⁵ Новосельский С.С. Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 650.

³⁶ Там же. С. 658.

³⁷ Медушевский А.Н. Советский и постсоветский республиканизм // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 660.

на юридические документы. Изложение отличает претензия на историческую интерпретацию проблем и современной России, которые автор помещает в контекст частичной реализации республиканских проектов XX в., а также несомненная ангажированность автора, которого беспокоит непоследовательная реализация декларированных самим же обществом политических идеалов.

Если читатель добрался до этих строк, легко предположить, что он уже давно чувствует фрустрацию и даже мог утратить интерес к (русскому) республиканизму. Даже самый краткий и в значительной степени тематический обзор содержания коллективной монографии оказывается предельно фрагментированным. Перед книгой маячит опасность превращения в сборник статей, посвящённых конкретным сюжетам, а не в работу, которая предполагает – если это вообще возможно – целостное восприятие. Не претендуя на окончательное суждение, рискну заметить, что это не совсем верный подход, и уж точно не единственный. Да, «Res Publica: Русский республиканизм...» можно читать как книгу, которая содержит отдельные исследования по разным вопросам развития республиканских идей, дискурса и практик в истории нашей страны, но это будет чтение историка, правоведа, исторического социолога и т.д., «частное чтение».

Полагаю, что для книги были органичны философские и даже гражданские амбиции, которые требуют её интерпретации как целого. Начнём с конца, а именно с общественно-политического контекста. Современное обращение к традиции республиканизма в российском контексте объединяет определённый круг авторов и интеллектуальных центров, что легко обнаруживается при внимательном взгляде на те общие места, которые мы встречаем у коллектива авторов книги, а также на более общий литературный контекст. Исследования республиканизма были интенсифицированы в последние десятилетия благодаря усилиям сообщества, которое формировалось вокруг основанного в 2005 г. центра Res publica при Европейском университете в Санкт-Петербурге под руководством известного исследователя Олега Хархордина³⁸. Сам Хархордин внёс значимый вклад в исследование темы своими трудами. Так, именно ему принадлежит книга о республике в серии «Азбука понятий»³⁹, а ранее под его редакцией вышла ещё одна важная переводная книга об истории понятия⁴⁰. Центром была организована ежегодная тематическая конференция, впервые состоявшаяся в 2017 г.⁴¹ С того момента интерес к проблеме не ослабевает.

Современные российские исследования республиканизма удивительно многообразны. Обращает на себя внимание, что они начинались и развивались именно как практические проекты, для которых часто философское и даже историческое содержание выступало лишь фоном или источником вдохновения. Так, многие публикации прошлого десятилетия или самого начала XXI в., когда тема только входила в научный оборот, были посвящены конкретным сюжетам, а республиканский концептуальный аппарат в них был заимствован из современной западной политической теории. Интеллектуальная история понятия, которая оказалась востребованной для продолжения рефлексивной работы над сюжетом, стала следующим шагом. В эту логику «обратного движения» к истокам входит и попытка представить сам феномен русского республиканизма в его противоречивом и сложном генезисе.

Именно как продолжение логики развития исследования темы и следует воспринимать книгу «Res publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца

³⁸ См.: <https://eusp.org/respublica/about>

³⁹ См.: Хархордин О. Республика, или Дело публики. СПб., 2019.

⁴⁰ См.: Res publica: история понятия: Сборник статей / Под науч. ред. О.В. Хархордина. СПб., 2009.

⁴¹ Пономарёва М., Туманов Н. Общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики». Хроника // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. № 4. С. 249–255.

XX века», избегая соблазна счесть тему исследования вторичной и неорганичной для российской интеллектуальной истории. Само содержание работы в рамках творческого (вос-)произведения традиции показывает, что это не так, и круг вопросов, вокруг которых формировалась западная классика республиканизма, не был чужд российским интеллектуалам. К тому же, если бы авторами владела ангажированная логика перенесения чуждого на отечественный материал, получившиеся результаты были бы иными. Мы же, напротив, убедились в том, что взгляды на политическое в российской истории не всегда укладываются в республиканские схемы, а исторический материал позволяет скорее говорить о «разрывах» в произведении республиканской традиции, чем о «преемственности». Тем удивительнее, что сегодня мы – граждане третьей (в хронологическом порядке) русской республики. Рецензируемая книга позволяет понять всю сложность этого положения.

Что касается непосредственно философского содержания, то никакой республиканизм прямо непредставим без политической и социальной философии. Интерес интеллектуальной истории к понятию был вызван его актуализацией в пространстве современной философии. Концептуальный аппарат, к которому прибегают историки мысли, как мы убедились, многим обязан философам, и в частности идеям Петтита. Сам ирландский мыслитель писал: «Возможно, республиканизм не заслуживает наименования традиции, поскольку не является достаточно последовательной и связной концепцией, чтобы его можно было трактовать таким образом»⁴². Что касается русского республиканизма, то мысль Петтита применима как нельзя лучше, а качественные исследования исторического материала лишь подтверждают эту точку зрения, показывая, что республиканская политическая философия – это философский проект, чьё развитие способствует приросту знания и в других областях.

Список литературы

Бугров К.Д., Киселёв М.А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 311–398.

Велижнев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 399–505.

Ерусалимский К.Ю. Республика без республиканизма: дискурсы *общего дела* в Московской Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 153–265.

Лукин В.П. Республиканская риторика в Древней Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 76–152.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под науч. ред. В. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 456 с.

Марей А.В. Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 19–75.

Медушевский А.Н. Советский и постсоветский республиканизм // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 659–801.

Миллер А.И. Империя и нация // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 506–554.

⁴² Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. С. 45.

Новосельский С.С. Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г. // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва.* М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 615–658.

Павлов А.В. Республиканизм Филипа Петтита: самая актуальная современная политическая философия // *Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 7–24.

Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 488 с.

Пономарёва М., Туманов Н. Общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики». Хроника // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* 2017. Т. 1. № 4. С. 249–255.

Ростиславлева Н.В. Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII – начало XX в.): между идеей и реальностью // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва.* М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 266–310.

Соловьёв К.А. Введение // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва.* М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 9–18.

Соловьёв К.А. Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва.* М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 555–614.

Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму? / Пер. с англ. Н. Афанасова; науч. ред и предисл. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

Хархордин О.В. Республика, или Дело публики. СПб.: Европейский университет в С.-Петербурге, 2020. 161 с.

Res publica: история понятия: Сборник статей / Под науч. ред. О.В. Хархордина. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2009. 280 с.

Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

Pettit Ph. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. New York: Oxford University Press, 1997. 328 p.

The Once and Future Republic?

A Review on: *Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the 20th Century. A Collective Monography.*

Ed. by K.A. Solovyov. Moscow: New Literary Observer, 2021. 824 p.

Nikolai B. Afanasov – Candidate of Sciences in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: n.afanasov@gmail.com

The review provides a thematic reading of the collective monography, which deals with intellectual history of Russian republicanism. The author of the review underlines that the book, although it is composed of ten separated and conceptually independent parts, could have a general reading in the optics of modern political philosophy's problematics. This intention derives from the explicitly shown authors' interest in actual republicanism theory, that started at the turn of the 20th and 21st centuries regarding Ph. Pettit's arguments. Then it is shown that research on the development of the idea of Russian republicanism has a normative model, which can be described as an interpretation of the methodology of Cambridge School of intellectual history. For Russian intellectual space the work with republicanism on the material of social-political thought investigation becomes a reference point, that allows to synchronize methods and subjects of actual philosophy with the global context. A common point for the collective monography is highlighting the inconsistency of the phenomenon of "republic" in Russian political language: being an important idea, although imported from other political tradition, the attempts to define its content and its importance were not always successful and influential enough. An important contribution of the work

in the elaboration of political philosophy is clarification of many historical aspects, which results in the narrowing the space for mythologization of Russian political thought.

Keywords: republicanism, political thought, social philosophy, Russian philosophy, practical philosophy, history of ideas, Ph. Pettit

For citation: Afanasov, N.B. *Respublica bylogo i gryadushchego? Retsenziya na: Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya / Pod red. K.A. Solov'eva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 824 s. [The Once and Future Republic? A Review on: Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the 20th Century. A Collective Monography. Ed. by K.A. Solovyov. Moscow: New Literary Observer, 2021. 824 p.]*, *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 93–108. (In Russian)

References

Bugrov, K.D., Kiselyov, M.A. *Respublikanskaya ideya v Rossii v vek Prosveshcheniya [Republican Idea in Russia in the Age of Enlightenment]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 311–398. (In Russian)

Erusalimskij, K.Yu. *Respublica bez respublikanizma: diskursy obshchego dela v Moskovskoj Rusi [Republic without Republicanism: The Discourses of Common Cause in Moscovite Russia]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 153–265. (In Russian)

Kharkhordin, O. (ed.) *Res publica: istoriya ponytiya: Sbornik statej [Res publica: A History of the Concept. A collection of Articles]*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo EUSPB, 2009. 280 p. (In Russian)

Kharkhordin, O. *Respublika, ili Delo Publiki [Republic, or Public Affair]*. Saint Petersburg: Evropejskij universitet v S.-Peterburge, 2020. 161 p. (In Russian)

Lübbe, H. *V nogu so vremenev. Sokrashchyonnoe prebyvanie v nastoyashchem [Im Zug der Zeit]*. Moscow: HSE University Press, 2019. 456 p. (In Russian)

Lukin, V.P. *Respublikanskaya ritorika v Drevnej Rusi [Republican Rhetoric in Ancient Russia]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 76–152. (In Russian)

Marey, A.V. *Ponytie res publica v evropejskoj politiko-pravovoj mysli: ot Drevnego Rima do XVII v. [The Concept of res publica in European Political and Legal Thought: from Ancient Rome to XVIIth Century]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 19–75. (In Russian)

Medushevsky, A.N. *Sovetskij i postsovetkij respublikanizm [Soviet and Post-Soviet Republicanism]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 659–801. (In Russian)

Miller, A.I. *Imperiya i natsiya [Empire and Nation]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 506–554. (In Russian)

Novoselsky, S.S. *Respublikanskiye motivy v rossijskoj politicheskoj mysli. Sluchai 1905 g. [Republican Motives in Russian Political Thought. The 1905 Case]*, in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya [Res Publica: Russian*

Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 615–658. (In Russian)

Pavlov, A.V. Respublikanizm Filipa Pettita: samaya aktual'naya sovremennaya politicheskaya filosofiya [Philip Pettit's Republicanism: The Most Actual Contemporary Philosophy], in: Pettit, Ph. *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]. Moscow: Gaidar Institute Press, 2016, pp. 7–24. (In Russian)

Pettit, Ph. *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. New York: Oxford University Press, 1997. 328 p.

Pettit, Ph. *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]. Moscow: Gaidar Institute Press, 2016. 488 p. (In Russian)

Ponomareva, M., Tumanov, N. Obshcherossiyskaya konferentsiya "Respublikanizm: teoriya, istoriya, sovremennye praktiki". Khronika ["Republicanism: Theory, History, Modern Practice". Conference Chronicles], *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2017, Vol. 1, No. 4, pp. 249–255. (In Russian)

Rostislavleva, N.V. Razvitie respublikanizma v Zapadnoj Evrope (XVII – nachalo XX v.): mezhdru ideej i real'nost'yu [The Development of Republicanism in Western Europe (XVII – beg. of XXth Centuries): between Ideal and Reality], in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 266–310. (In Russian)

Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021. 824 p. (In Russian)

Solovyov, K.A. Res publica v obshchetvennoj mysli Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Res publica in Russian Social Thought (the Second Half of the XIX – the beginning of the XXth Centuries)], in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 555–614. (In Russian)

Solovyov, K.A. Vvedenie [Introduction], in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 9–18. (In Russian)

Therborn, G. *On marksizma k postmarksizmu?* [From Marxism to Post-Marxism?]. Moscow: HSE University Press, 2021. 256 p. (In Russian)

Velizhev, M.B. Respublikanizm v obshchetvennoj mysli Rossii pervoj poloviny XIX v. [Republicanism in Russian Social Thought of the First Half of the XIXth Century], in: Solovyov, K.A. (ed.) *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ja do kontsa XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian Republicanism from Middle Ages to the end of the XXth Century. A Collective Monography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2021, pp. 399–505. (In Russian)